

Юрий Ненев

Проклятое кольце

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Ненев

Проклятое кольцо

<https://litres.ru/74385022>

SelfPub; 2026

Аннотация

В элитном районе на окраине Москвы происходит убийство гражданки Португалии - родственницы посла Португалии в СССР. Из квартиры убитой похищена фамильная реликвия, представляющая собой историческую ценность. Дело грозит обернуться международным скандалом и выставлением советских реалий в невыгодном свете. За поиски преступников и похищенных ими ценностей берутся лучшие сыщики уголовного розыска и КГБ. Главы враждующих между собой ведомств - МВД и КГБ решают использовать прецедент, чтобы нанести друг другу смертельный укол.

Юрий Ненев

Проклятое кольцо

Глава 1

Шестидесятилетняя гражданка Сеницына проживала в квартире квартала «красных домов» на улице Строителей одна. Супруг скончался четыре года назад, дети выросли, разъехались кто куда, и только периодически звонили матери. Жизнь пожилой женщины текла неторопливо и однообразно. Одинокому человеку как-то легче, когда всё происходит по расписанию. Так оно и было у Екатерины Ивановны: просыпалась пенсионерка рано утром, часов в шесть-семь, завтракала. Затем немного похлопотав по дому, выходила на улицу до близлежащего магазина, оттуда легкая прогулка по скверам и тихим московским дворам. Далее обед, книга, просмотр телевизора, разговоры по телефону. Ближе к вечеру нужно было посидеть на лавочке во дворе дома. С сумерками ужин и вечерние киносеансы.

В тот прохладный августовский вечер, дышавший осенью, Екатерина Ивановна смотрела по телевизору прибалтийский детектив. Сеницына вообще любила этот жанр. К половине одиннадцатого вечера пенсионерку начало клонить в сон. Кино закончилось, она выключила телевизор и улеглась спать. Время было уже позднее, но из квартиры напротив доносились мелодии магнитофона, какая-то бубнёж-

ка.

«Опять Ритка с мужиками кутит» - подумала про свою соседку пенсионерка, которая никак не могла уснуть. Это не было стариковским брюзжанием: соседка из квартиры напротив Маргарита Медейруш да Силва – гражданка Португалии, работавшая в московском издательстве «Прогресс», нередко устраивала у себя шумные вечеринки, любила музыку, танцы и мужчин. Последние на нее летели, словно пчёлы на мёд: жгуче-черная брюнетка, хорошо сложенная – для многих эта женщина была желанной любовницей. Хотя Маргарита и доставляла другим жильцам дома некоторые неудобства своим разгульным образом жизни, к ней уже успели привыкнуть. Вот и на этот раз гулянка в квартире иностранки тянулась аж до полуночи.

Екатерина Ивановна уже задремала, когда ее разбудил марш гимна СССР: это означало одно – наступила полночь, и начинался перерыв в телевещании. Раздраженная женщина поднялась с постели, и шаркая тапочками, подошла к входной двери. Заглянула в глазок: никого. Она накинула на плечи шаль, сняла цепочку и отперла замок. На лестничной площадке все также царила тишина. Входная дверь квартиры Маргариты Медейруш была закрыта. Гимн отгремел, и никаких звуков. «Опять надралась вина и забыла выключить телевизор» - подумала гражданка Синицына, махнула рукой, заперла дверь и вернулась в постель.

Екатерина Ивановна имела привычку просыпаться без бу-

дильника. На часах было семь тридцать. Через занавешенные шторы пробивался лучезарный свет московского утра. Птицы, ощущавшие приближение холодов, уже улетели на юг, поэтому за окном тишина – только шарканье метлы дворника. Зато из квартиры иностранной гостьи опять доносилась бубнежка телеэфира.

«Ну на этот раз я ей всё выскажу!» - разозлилась пенсионерка, и лишив себя завтрака, двинула прямиком в квартиру Маргариты Медейруш. Женщина с усердием барабанила дверь, надеясь, что это наверняка разбудит соседку. Та не открывала. Екатерина Ивановна прижала палец к кнопке звонка. Едкий сигнал оглашал квартиру, но даже и шагов Медейруш не было слышно. Наконец, Синицына толкнула ручку входной двери – та с легкостью распахнулась. Первое, что бросилось в глаза пенсионерки – это разгром: на полу прихожей валялись книги, бумаги, обувные коробки, платья владелицы. Екатерина Ивановна позвала Маргариту по имени, и в то же время шагнула внутрь. На полу прихожей у входа в гостиную на полу лежала хозяйка квартиры.

«Напилась!» - подытожила Екатерина Ивановна, поняв отчего всю ночь в квартире был включен телевизор. Пенсионерка, неловко обошла Маргариту, наклонилась к ней, принявшись будить. В прихожей было сумрачно, а сама Екатерина Ивановна слаба глазами. Она тормошила соседку, лежащую на полу, но ее руки были подозрительно холодными и крепкими, будто задубелыми. Гражданка Синицына похло-

пала Маргариту по щеке, но и кожа лица соседки была холодная и как будто кукольная. Екатерина Ивановна заподозрила что-то неладное, включила свет. Еще сильнее она начала тормошить Маргариту, полагая, что ту хватил или инфаркт, или инсульт. Пенсионерка попыталась поднять голову соседки, но тут же почувствовала на своих пальцах что-то влажное и скользкое. Каков был ужас женщины, когда своими подслеповатыми глазами она увидела следы крови.

Екатерина Ивановна вскрикнула, выбежала из квартиры соседки, и бросилась мыть руки в ванной. Проточная вода окрасилась следами крови, как будто женщина мыла не руки, а промывала мясо. Постепенно вода стала розовой, а потом совсем светлой, и утекла в слив. Екатерина Ивановна, не теряя времени, дрожащими руками стала крутить диск телефона. В первую очередь она позвонила по номеру «03», заявив, что у ее соседки по улице Строителей дом 4 случился инсульт и она ударилась головой. Потом, немного погодя, предчувствуя неладное, Екатерина Ивановна набрала «02».

Серая «Волга» ГАЗ 24 подполковника Новикова – начальника отдела Московского Уголовного Розыска по особо важным делам, неслась по прямому, как стрела, Ленинскому проспекту. Станислав зевал, прикрывая рот ладонью: рабочий день только начался, а тут сразу звонок от министра – в Октябрьском районе столицы обнаружено тело иностранки. Нетрудно догадаться, что подобное – дело из ряда вон выходящее, и если это убийство, то обстоятельства примут

политический оборот.

Повернув на улицу Строителей, автомобиль подполковника въехал во внутренний двор дома, где произошло происшествие. Тут уже с восьми часов царило оживление: несколько милицейских патрулей, сине-желтый «РАФик» дежурной части, автомобиль скорой помощи. Суетился участковый на пару с управдомом. Любопытные жители высунулись в окна, некоторые зеваки топтались у подъезда второго корпуса дома номер №4.

- Вот это да! Живут же люди! – с восторгом произнес подполковник Новиков, захлопнув дверь своей «Волги», оглядывая квартал «красных жомов». Было чем восхититься: красивые восьмиэтажные дома с тихими тенистыми дворами-колодцами, декоративными фонтанами, беленые ажурные карнизы, арки. Кирпичный гаражный кооператив, выведенный к проезжей части, не выбивался из общего стиля. Одним словом, - прекрасное место для жизни, но что могло случиться в этом райском уголке Москвы?

Следственные группы РОВД Октябрьского района и МУ-Ра осматривали место происшествия – не только пятый этаж, но и весь подъезд. Коллеги, первыми прибывшими на адрес, поняли сразу – это убийство. Опытный взгляд и профессиональное чутье Новикова твердили то же самое. Следы разгрома в квартире, выброшенные из шкафов вещи, свидетельствовали о том, что убийца иностранной гражданки Медейруш что-то искал. Новиков осматривал кухню: на сто-

ле были остатки трапезы, но не было ни тарелок, ни бокалов: преступник унес с собой посуду, на которой остались его отпечатки? Затем подполковник вернулся в прихожую, где корпели криминалисты. Замок входной квартиры убитой не был взломан, сама жертва была одета не по-домашнему: блузка, велюровый жакет, кримпленовая юбка, пластиковые бусы. При этом не было серег, колец и прочей бижутерии.

Следователь МУРа капитан Габов в холщовых бахилах и белых шелковых перчатках сидя на корточках, осматривал место происшествия. Уловив на себе взгляд подполковника, он поднял глаза, и принялся выкладывать начальнику свои соображения:

- Смерть наступила примерно десять часов назад. Следов борьбы на теле нет. По тому как она одета, можно предположить, что она кого-то ждала. Гость пришел... жертва сама открыла ему дверь.

- Ничего другого в голову не приходит. – согласился Новиков.

- Подозрительно мало украшений. Такая роскошная женщина, но на ней только пластиковые бусы. Шкатулки в комнатах тоже пусты – убийца выгреб драгоценности и украшения. – продолжал Габов, закинув на бок запястьем руки упавшую на лицо заливчатую чёлку.

Подполковник прошел в гостиную, принялся осматривать шкафы стенки, тумбочки, письменный стол. Опыт подсказывал ему, что ключ к разгадке убийства должен лежать в

телефонной и записной книжке, однако ни того, ни другого Новиков не обнаружил. Зато ему бросилась в глаза стопка бумаг, испещренных как текстом на русском языке, так и на латинице.

«Страна, у которой получилось. Том 1» - прочел вслух заголовков подполковник Новиков. Но где тогда второй том? Убийца украл его?

- Савелий! А что по телефонной книжке, записной, дневникам?

- Не нашли, Станислав Александрович. – отозвался из коридора следователь Габов.

- Что значит «том 1»? Где тогда второй?

Капитан прошел в гостиную, посмотрел на письменный стол. Действительно, не хватало второго тома книги, которую писала покойная Маргарита Медейруш.

- Это на португальском? – спросил Габова Новиков.

- Ого! Вы, товарищ подполковник, с полета определили язык?

- Да какой там! Первый раз в жизни вижу текст на португальском языке. Мне утром министр позвонил, и сказал, что на юго-западе Москвы убита родная сестра посла Португалии в СССР. Член тамошней компартии, работала у нас в издательстве «Прогресс». Дело скользкое – может иметь политические последствия, поэтому министр взял процесс на контроль.

- Как чувствовал! – вздохнул капитан Габов. – Не хватало,

чтобы сюда нагрязнули еще из КГБ.

- Хочется верить, что гражданочку кокнул кто-нибудь из диссидентов-антисоветчиков. Тогда это очередная шпионская история, и мы материалы спокойно передадим на Лубянку. Но вот если это чистой воды криминал, тогда на МВД все шишки будут сыпаться.

- А Медейруш точно ограбили. Что-то не похоже на диссидентов – воняет уголовщиной. – ответил Габов.

- Но где тогда второй том этой писанины, и где печатная машинка?

Оба милиционера начали рыскать по квартире. Второго тома «Страны, у которой получилось» не нашли, но зато увидели печатную машинку в коридоре.

- Печатный машинки все учетные. Попробуй получи еще разрешение, чтобы такая находилась дома. На черном рынке подобная штука стоит немалых денег. – прокомментировал находку подполковник Новиков.

- Очевидно, что машинку убийца тоже пытался вынести из квартиры, но она оказалось слишком тяжелой. Образца-то старого: громоздкая и довольно тяжелая. – размышлял следователь Габов.

- Не в руках же ее нести! – согласился подполковник. – Постой, Савелик! Это еще кое-что: убийца ушел с адреса налегке: у него не было автомобиля, чтобы перевозить такие громоздкие вещи, как печатная машинка.

- Верно, Станислав Александрович. – кивнул Габов. – Мы

допросили соседку убитой – пенсионерку из квартиры напротив, которая обнаружила утром тело. Она утверждает, что громкая музыка и работающий телевизор были включены еще вчерашним вечером в районе десяти-одиннадцати часов. И убийство произошло примерно в это самое время.

- Она заметила кого-нибудь, кто бы выходил из квартиры?

- Нет. Смотрела в глазок, но никого.

- Пусть местные РОВДэшники начнут поквартирный обход: если не соседка, то кто-то другой мог что-то заметить. Не теряйте времени: чувствую, что скоро сюда приедет большое начальство.

Интуиция не подвела подполковника: вскоре к дому №4 по улице Строителей прибыло два автомобиля – чёрная «Волга» ГАЗ 24 и «БМВ» с бело-синей милицейской расцветкой, что было признаком транспорта центрального аппарата министерства. Все присутствующие сотрудники милиции вытянулись струной при виде подтянутого человека в генеральской форме, с жгуче-чёрными волосами, уложенными лаком, бугристым лицом с мешками под глазами.

- Здравия желаю, товарищ генерал-полковник! – запыхавшись, отчеканил Новиков, одернув руку, которую он хотел приложить к виску: но на подполковнике не было уставного головного убора.

Генерал серьезным взглядом посмотрел сверху вниз на Новикова. Тот только запахнул вельветовую куртку.

- Сейчас сюда придет брат погибшей – посол Португалии товарищ Феликс Филиппе Медейруш да Силва. Последовательный идейный коммунист – требую проявить с ним максимальную дипломатичность и тактичность. – дал распоряжение генерал.

- Так точно, генерал-полковник! – чеканил Новиков. Высокопоставленной особой в генеральском мундире был первый заместитель министра внутренних дел, начальник все-союзного уголовного розыска Юрий Михайлович Чурбанов. Его положение в ведомстве было довольно высоким: муж дочери генерального секретаря Брежнева – «принц московского двора», как его называли в «цековских» кругах, правая рука главы МВД – «всемогущего министра» и просто старинного друга Брежнева – Николая Щёлокова. Тот тоже высоко ценил своего заместителя и, по сути, приучил всех воспринимать Чурбанова как без двух недель нового министра, тогда как у самого Щелокова амбиции простирались намного дальше, чем пост «милиционера №1».

Пока следователь капитан Габов отчитывался перед заместителем министра, подполковник Новиков во всеоружии ожидал прибытие важного иностранного гостя. Тот не заставил себя долго ждать: к красному дому, где произошло происшествие, подкатил черный лакированный «Мерседес». Посол Португалии, не дожидаясь, пока помощник откроет ему дверь автомобиля, сам выбрался из салона, и, приказав телохранителю остаться внизу, поднялся на пятый этаж

подъезда, где жила его сестра. В квартиру вошел высоко-го роста, слегка костлявый пожилой человек в приталенном черном костюме, насыщенно-лазурной рубашке с белым узором, без галстука. Он был слегка лысоват, с впалыми щеками и аккуратной бородкой в стиле Дзержинского. Склонив головы, милиционеры молча приветствовали визитера. Генерал-полковник Чурбанов снял с себя фуражку, в полголоса что-то сказал португальскому послу, затем перенаправил его к подполковнику Новикову.

Тот приготовился к приезду дипломата. Тело погибшей заблаговременно накрыли простыней. Сам подполковник сидел в кресле у письменного стола хозяйки квартиры. Посол поздоровался с Новиковым, и занял место в рабочем кресле своей сестры.

- Ваше начальство представило вас как человека, который будет заниматься этим делом. Хочу с вами познакомиться: Феликс Филиппе Медейруш да Силва – посол Португалии с СССР, родной брат погибшей Маргариты. – завязал разговор первым старик, разговаривая на вполне сносном русском языке.

- Очень приятно, господин Медейруш. Подполковник уголовного розыска Станислав Александрович Новиков. – протянул в ответ руку собеседник. Дипломата что-то смутило, он буквально переменился в лице – стал еще более хмурым.

- Товарищ! Прошу обращаться ко мне товарищ Медей-

руш. Я хоть и посол капиталистической страны, но являюсь членом коммунистической партии Португалии, во времена фашистской диктатуры был членом подпольного движения сопротивления, как и моя сестра... вы, подполковник, коммунист? – претензионным тоном на грамматически правильном русском языке, но с сильным иностранным акцентом, спросил дипломат.

- Разумеется. Как я, офицер милиции, могу не быть коммунистом? Я член КПСС уже более десяти лет. – ответил Новиков.

- Замечательно! – довольным тоном ответил португальский посол. – Раз мы все тут коммунисты, тогда можем быть более откровенными.

Далее пошел формальный разговор, который закончился вопросами, более всего интересовавшими Новикова.

- Товарищ Медейруш, мы не обнаружили у вашей сестры никаких украшений. Это весьма подозрительно. Как она вообще относилась к драгоценностям? – спросил подполковник Новиков, разглядывая печати на пальцах поста, и запонки на рукавах пиджака посла.

- О! Маргарита очень любила дорогие вещи! Украшения были ее страстью.

- Из таковых мы в квартире ничего не обнаружили. Вы лично помните какие-нибудь особые украшения вашей сестры, которые были ее любимыми?

- Я не погружался в такие тонкости. Но определенно могу

сказать, что Маргарита всегда носила золотое кольцо с изумрудом – это подарок нашего покойного отца. А еще серебряные серьги с янтарём – это от матери. Про остальные побрякушки сказать не могу.

Мужчины подошли к телу покойной. Подполковник откинул верхнюю часть простыни. Увидевший свою мёртвую сестру брат, закрыл глаза рукой.

- Серег и колец на ней нет. – выдержав паузу, произнес Новиков.

Феликс Медейруш склонился над телом, потрогал холодные руки сестры, откинул ее черные волосы и не обнаружил никаких украшений.

- Их нет! Их украли! – утвердительно сказал посол.

Подполковник обратно накрыл тело простынёй.

- А что это за бумаги на двух языках с названием «Страна, у которой получилось»? Книга? Где тогда второй том?

- Это действительно книга. Маргарита приехала в СССР только в конце 1977-го года, поэтому к шестидесятилетию Октябрьской революции ничего не успела написать. Поэтому она старалась успеть к шестидесятипятилетию закончить первый том. К второму она не приступала: он планировался к семидесятилетию Октября: в нем должны быть материалы, фотографии о достижениях в сотрудничестве Португалии и СССР. Да: Маргарита твёрдо верила, что наша страна выйдет из НАТО, перережет навсегда пуповину, связывающую Португалию с ее фашистским прошлым и положением па-

жа у ног США и Великобритании. О Советском Союзе она мечтала всегда: тайно учила русский язык по материалам, предоставляемым подпольщиками-коммунистами. Ее мечта сбылась: Маргарита, наконец, переехала в Москву... и здесь же ей суждено было умереть...

Слушая ответы посла, Новиков всё больше понимал, что дело об убийстве португальской гражданки всё больше окрашивается в криминальные тона, и всё меньше в нём политического подтекста.

- Знакомых, вы говорите, у нее было много... и любовников тоже...

- Верно, товарищ Станислав: моя сестра, сколько её знаю, всегда испытывала страсть к мужскому полу. А тут, в Москве, она постоянно водила к себе домой молодых мужчин. – ответил португалец.

- Вы были с ними знакомы? Можете назвать чьи-то имена или, хотя бы, внешность не припомните?

- Пожалуй, нет... - несколько замявшись, ответил португалец.

- Раз вы неоднократно бывали в квартире Маргариты, то наверняка сможете сказать, что из ценностей похищено?

Посол кивнул, но заметил, что не обо всех ценностях в жилище сестры ему известно. Совместный обыск при участии следователя Габова показал, что помимо украшений и денег, из квартиры Маргариты Медейруш пропал альбом с марками, магнитофон, и туристический складной утюг на

батарейках, который буквально этим летом сестре подарил Феликс.

- Магнитофон и утюг, я так понимаю, не советского производства? – спросил посла следователь.

- Совершенно верно. Двухкассетный магнитофон «JVC» - японский, утюг «Тефаль» - французский.

Габов даже не сдержался и многозначительно свистнул:

- Двухкассетник? Японский? Его разве что за валюту в «Берёзке» можно купить, или за два куска у спекулянтов.

- Держите себя в руках, капитан! – цыкнул на Габова подполковник.

- А вот и коробки от них! – показал милиционерам находку Фелис Медейруш.

Капитан Габов принялся искать хотя бы кассеты для магнитофона, но ничего не нашел. Феликс Медейруш утверждал, что у сестры еще были «болванки» для аудиозаписей, то и таковых в квартире не нашлось.

- Ну уж утюг! Женщина могла положить в другое место: не держать же его в гардеробе! – заметил Новиков. Но его теория не подтвердилась: прибор советского производства, которым покойная Медейруш пользовалась повседневно, лежал на месте. Теперь ситуация вырисовывалась совершенно чётко: убийца намеренно похищал импортные вещи, в том числе даже какой-то простенький туристический утюг и альбом с марками – это непременно дело рук не шпионов-антикоммунистов, а обычных советских жуликов. Это

было неприятным умозаключением: дело будет расследовать МВД, а так, как оно касается иностранных граждан, то консультирующая контора КГБ будет всячески вставлять милиционерам палки в колёса.

- Не многовато ли прихватил в одни руки? Или преступник действовал с подельником? – риторически спросил Габова Новиков. Но в их беседу вмешался посол:

- Товарищи... я надеюсь, что хоть это они не украли...

Оба милиционера обернулись.

- Как вы уже знаете: мы с сестрой – коммунисты. Но род наш старинный аристократический. Есть даже семейная реликвия, которую мы привезли с собой в Москву – это кольцо шестнадцатого века. В те далекие времена в Португалии правил Себастьян I. Юный монарх-романтик грезил победами в крестовых походах, в таковом, в Марокко он бесследно пропал. Король к своим двадцати четырем годам не был женат, и не имел детей. Но наша семейная легенда гласит, что любовницей монарха была графиня из аристократического рода Готеш-Медейруш: довольно древний – восходит еще к аристократии королевства Вестготов, существовавшего до нашествия арабов на Пиренейский полуостров.

Графиню, в которую был влюблен юный король Себастьян, звали Анна Мария Готеш-Медейруш – наша родственница. Монарх, в сокровищнице которого были драгоценности вестготов, зная о происхождении возлюбленной, приказал придворным ювелирам переплавить их и изгото-

вить из них самое лучшее кольцо. Так они и сделали: кольцо из золота готов и украшенное драгоценными камнями тех же далеких доарабских времен. Перед своим фатальным походом в Африку Себастьян подарил кольцо Анне Марии в знак их любви... но браку не суждено было сбыться...

- Это кольцо хранилось тут? В квартире Маргариты на улице Строителей? – сразу же спросил подполковник Новиков.

- Да, здесь. Могу показать тайник. – ответил португальский посол.

- И можете точно описать, как выглядит кольцо? – добавил следователь Габов.

- Разумеется. Даже зарисовать могу, вплоть до расположения каждого камня – их там всего двенадцать.

Сразу после этих слов португальский посол направился в кухню. Новиков, Габов и криминалисты последовали за ним. Феликс Медейруш указал на решетку вытяжной вентиляции. Сотрудники милиции с легкостью сняли заслонку, так как та была не фиксирована на болты. Пошарили руками вентиляционном проеме, но там, кроме пыли и паутины ничего не было. Встревоженный посол сам встал на стул и принялся обследовать тайник, но безуспешно. Подполковник Новиков предложил Феликсу фонарик, на что посол согласился.

- Его там нет. – с мрачным видом произнес посол, спустившись со стула.

- Оно было завернуто в свёрток? – спросил подполковник.

- Да. Металлическая коробка из-под печенья, завернутая в зеленый полиэтиленовый пакет.

Капитан Габов взял фонарик из рук посла, и сам влез на стул, чтобы искать заветный сверток.

- Может, ваша сестра положила колье в другое место? – предполагал подполковник.

- Тогда бы она мне об этом сообщила. У нас с ней уговор о том, что мы оба должны знать точное место расположение тайника. – возразил посол.

- А не могла ли она протолкнуть пакет с банкой подальше?

- Это же не иголка, Станислав Саныч! – отозвался Габов. – Уж пакет с банкой внутри мы точно бы нашли, будь он здесь. Его украли.

- Я так и думал... - покачал головой португалец.

- Тогда обыщите квартиру еще раз. – приказал Новиков.

- Заново? – с неудовольствием переспросил главный криминалист.

- Получается, что да. – разочаровал его подполковник.

Уже в дверях Станислава остановил Феликс Медейруш. Взял его за рукав, и проронив скупую слезу, мельком взглянув на тело убитой сестры, сказал:

- Товарищ! Мне ваш начальник – тот, который был в мундире и фуражке, сказал, что именно тот самый человек, способный разобраться в этом. Как коммунист коммунисту: мне даже не нужен этот проклятый магнитофон и уют, мне даже наплевать на судьбу этого чёртового колье, но прошу – най-

дите убийц моей сестры. Они должны ответить за всё. Понимаю, что работа полицейского не может иметь гарантии, и глупо требовать от вас результата, но я верю, что у вас всё получится.

- Разумеется товарищ посол! – приобнял за плечо Феликса Новиков. – Все усилия будут приложены к розыску злоумышленников. Дело на контроле не только у генерала Чурбанова, но и на карандаше у министра Щёлокова: я с ним уже говорил по телефону.

- Николай Щёлоков? – переспросил португалец. - Поскольку я имею контакты с первыми лицами вашей страны, мне известно, что ваш Щёлоков – хороший друг Брежнева. Уверен, что он поможет.

Распрощавшись с послом, который направился вниз к своей машине, Новиков подозвал капитана Габова. Но его тут же перебили криминалисты:

- Станислав Саныч! Покойницу уже можем выносить?

Подполковник одобрительно махнул рукой. Криминалисты подняли тело на носилки, и направились к выходу. В дверях Новиков остановил их, немного приподнял простынь и сказал:

- Красивая была! Вот это женщина! Шик! – тяжело вздохнул он, и опять накрыл покойницу.

- Французский боб.

- Что? – не поняв посыл Габова, спросил Новиков.

- Фасон ее прически. – пояснил капитан.

- Ну, правда ведь красивая женщина?!

- Возражений нет. – кивнул следователь Габов, снимая белые шелковые перчатки.

- Как закончишь с поиском колье в квартире, поезжай с оперативной группой и криминалистами в издательство «Прогресс», что на Парке культуры: посмотрим, что будет там. И еще: я распоряжусь, чтобы нам предоставили список абонентских номеров, по которым Медейруш за последнее время звонила, или звонили ей.

Глава 2

Ресторан гостиницы «Интурист» на улице Горького открылся в полдень. Где-то через два часа у проходной гостиницы появилась компания из четырех человек. Во главе нее обходительный, вежливый интеллигентного вида молодой человек в сером классическом костюме, дорогом красно-бардовом галстуке с серебряной заколкой и в очках с массивной роговой оправой. Несколько сухощавый, ртутный, постоянно улыбающийся и шутящий, он располагал к себе двух спутниц – девушек лет двадцати. Четвёртым членом компании был высокого роста мужчина средних лет, мускулистого телосложения, широкоплечий, с сильными жилистыми руками, на которых выступали напряженные извилистые вены. Лицо его было несколько хмурым, над суровыми глазами и кустистыми бровями собирались складками морщины. Одет он тоже был не столь броско, как товарищ в

очках: шоферская укороченная куртка, клетчатая рубашка, брюки, стоптанные нечищенные туфли.

Моложавый гость назвал свою фамилию, протянул швейцару свернутую купюру достоинством в пять рублей, после чего вся компания попала внутрь фешенебельного столичного ресторана. На них уже был забронирован столик для четырех персон. Учтивый официант тут же подскочил, протянув посетителям меню в кожаных обложках. Очевидным было то, что из всех четверых искушенным в ресторанных делах был только интеллигент: он быстро пролистнул меню, дал несколько советов по блюдам стеснительным девушкам, после чего все сделали заказ. С кухни ресторана гостиницы, предназначенной для иностранцев, тут же на столик поставили две бутылки красного грузинского вина, бутылку белого, ароматные горячие хачапури с сыром. Затем настала очередь закусок: оливки, черемша, моченый чеснок, свежая зелень, маринованная капуста, бочковые огурцы, осетрина холодного копчения, нарезка из нескольких сортов сыра. Девушки ограничились салатом оливье и картофелем фри по-американски. Громадный друг молодого человека заказал две порции свиного шашлыка с соусом сацебели и бутылку коньяка.

Хлыщ в сером костюмчике постоянно болтал, едва давая хоть что-то вставить в свои умопомрачительные истории, эмоционально жестикулировал, выпучивал глаза. Девушки тихонько смеялись, немного краснели. Молчаливым

оставался только четвертый член компании: он продолжал есть свой шашлык, закладывая в свой рот горсти моченого чеснока и пучки зелени. Отведав вина, он принялся осушать бутылку коньяка. Казалось, что крепкий напиток его абсолютно не берет: он то и дело наливал в рюмку новую порцию. Лишь изредка друг о чем-то спрашивал его: тот кивал головой, отделялся короткими фразами, продолжая пережевывать пищу.

Приятным подарком для девушек оказалась пайетка с тушью и тенями, несколько губных помад. Так продолжалось около полутора часов, после чего подруги отлучились в дамскую комнату вместе со своими подарками. Вернувшись минут через десять, за столиком своих друзей они не обнаружили. Томительное ожидание длилось еще двадцать минут. Девушки начали волноваться, оглядываться по сторонам. Наблюдательный официант, обслуживавший компашку, насчет дополнительных заказов – девушки отказались. Какого было их удивление, когда они узнали, что двое друзей, пригласивших их в ресторан, уже ушли, сказав официанту, что за все будут платить дамы. Сумма оказалась немаленькой – целых шестьдесят два рубля, тридцать копеек. Разумеется, у подруг-студенток таких денег при себе не было, да и столь наглого обмана со стороны мужчин они не ожидали. Девушки, давя в себе слезы, даже попытались сбежать из зала ресторана, но это привело лишь к тому, что администрация вызвала на них наряд милиции. Дальше процедура обычная:

отделение, разговор с дежурным, попытки разжалобить милиционеров. А самое главное – им грозил штраф и депеша в институт. После такого можно вообще «вылететь» из учебного заведения. Подруги даже пытались откупиться, предложив милиционерам импортные предметы косметики, которые не так давно были подарены мошенниками.

Гостиница «Интурист», как и многие общественные учреждения в центре Москвы находились под пристальным вниманием милиции и госбезопасности. Это означало, что малейшая неліцеприятная история или подозрительная череда событий могла окончиться в конторе у площади Дзержинского или на Петровке 38. Так оно произошло и в этот раз. Сотрудники отделения милиции на улице Горького, посчитав странное поведение девушек и дорогостоящую иностранную косметику у них, подаренную некими типами, сообщили о случившемся в управление Московского уголовного розыска. К моменту прибытия задержанных подруг на Петровке уже заканчивался рабочий день. Из-за некого совещания допрос постоянно откладывали. В итоге пострадавших допросила дежурная смена, взяла с них подписку о невыезде, и обязала на следующий день рано утром без опозданий явиться к следователю.

Утро вторника. Следователь Габов слушал рассказ девушек – студенток педагогического института. Читая какую-то бумагу, он не поднимал на них глаз. Потом он прервал их, поднял трубку служебного телефона и набрал какой-то но-

мер.

- Станислав Александрович? Это капитан Габов вас беспокоит. У меня есть для вас кое-что интересное... важно! Прямо очень интересная история... ждем вас...

Вскоре в кабинете следователя появился подполковник Новиков. Студентки машинально поднялись со стульев, увидев офицера в милицейской форме. Но тот дал им знак сесть обратно. Капитан протянул бумагу, которую он все это время читал. Новиков пробежался по строчкам, и довольно хмыкнул. Габов ввел начальника в курс дела, пересказав историю, произошедшую давеча.

- Как говорите звали ваших друзей, которые обманули вас? – задал потерпевшим вопрос подполковник.

- Эдмунд Скобишевский и Януш Фролов.

- Своего номера, я так понимаю, они не оставили?

- Нет. Только наши взяли.

- А где живут не говорили?

- Эдмунд живет рядом с Бауманским институтом... точного адреса не назвал.

- Это который молодой и в очках?

- Да.

- А второй?

- Он ничего про себя не рассказывал. Эдмунд его представил как своего друга, который работал с ним в советском посольстве в Париже. Януш – офицер пограничных войск, там работал в службе охраны посольства.

- Эдмунд? В советском посольстве? Он русский?

- Его отец – поляк, а мама француженка- коммунистка, которая переехала в СССР еще до войны. Получается как-то так. – пояснили девушки.

- В качестве кого ваш Скобишевский работал при посольстве?

- Переводчиком. Он прекрасно владеет французским языком.

- Вы с ним прямо-таки по-французски болтали? – удивился Новиков, сидя на краю стола следователя.

- Немного. Мы сами учим в институте французский, а Эдмунд нам сказал, что некоторые вещи мы говорим не так: он рассказывал какие сейчас во Франции используются речевые обороты, и немного просветил нас в королевском французском – это диалект, который принят в Канаде.

- О как! Вот преступники пошли: по-французски как на своем родном! Ты, Савелий какой язык знаешь? – Ёрничал Новиков.

- Только русский и коми. – улыбнулся Габов, крутясь в своем кожаном кресле.

- А я немецкий учил... по диагонали учебник читал. – хохотал подполковник.

- Где этот Эдмунд учился? – спросил девушек следователь

- В Москве! В институте иностранных языков! – пояснили потерпевшие.

Подполковник Новиков взял у следователя конверт с фо-

тографиями. Начал их перетасовывать как игральные карты, иногда останавливаясь и всматриваясь в лица.

- И где же вы с этими типами сумели познакомиться? Вроде приличные гражданочки, а связались с какими-то проходимцами. – спрашивал Новиков, показав Габову одну из фотографий.

- Товарищи милиционеры! Не подумайте о нас ничего плохого! Мы познакомились с Эдмундом у Дворца комсомола на Фрунзенской: он сам к нас подошел, завел разговор. Он вообще создавал впечатление интеллигентного, приличного человека. Кто бы мог подумать, что он окажется бандитом? Он ведь бандит? Так?

- Ну как вам сказать? – мялся подполковник.

- А второй? Пограничник который... с ним тоже на Фрунзенской познакомились? – продолжал расспрос следователь.

- Я уже говорила: нет. Тогда пятница была: Эдмунд на понедельник пригласил нас в ресторан, и сказал, чтобы мы обязательно с подружкой вдвоем пришли – с ним будет его хороший друг. Этого Януша мы только в понедельник первый раз увидели. Вот он нам сразу не понравился: странный какой-то, на офицера не очень уж смахивает. И белки глаз у него такие...желтые...

- И эти оба вам подарили набор теней для глаз и помаду: импортного производства... и вы взяли...

- Так это подарок был. – смутились девушки. – Французская косметика – такую днем с огнем не сыщешь.

- И вы даже не обратили внимание на то, что это все не новое? – спросил капитан Габов.

- Но это же Франция! Пусть хотя бы и начатое! – оправдывались студентки. – Они у кого-то это украли? Или убили?

Новиков и Габов сначала переглянулись между собой, потом посмотрели на девушек, но ничего не ответили. Студентки, чувствуя неладное, уже пустили слезу.

- Драгоценностей, колец, бижутерии они не дарили?

- Нет. Только косметику. – ответили на вопрос капитана студентки.

- Встретились вы с этими двумя у памятника Пушкину рядом с кинотеатром «Россия»? Так? Они приехали не на машине, и никого с ними не было?

- Все верно. А потом мы пешком пошли до гостиницы «Интурист».

- Попробуем сначала фоторобот составить или сразу с фотографий начнем? – спросил начальника следователь.

- Извините пожалуйста... что снами будет? – уже плакали студентки.

- Сейчас мы проведем с вами один эксперимент: составим фоторобот злоумышленников. Дело в том, что этих людей мы подозреваем в совершении тяжкого преступления.

Студентки ахнули от ужаса.

- И Эдмунд?!

- Да. И Эдмунд тоже. – подтвердил Габов.

- А что со штрафом?

- Поскольку вы являетесь потерпевшими, то государство освобождает вас от выплаты. – успокоил следователь. – Ваша репутация в институте тоже никак не пострадает: продолжайте учиться как учились. Если в деканате к вам будут претензии, то знайте – они в любом случае необоснованные. А уж если понимание со стороны администрации не последуют, тогда мы сами поговорим.

Подполковник Новиков поднялся с края стола, и прохаживаясь по кабинету, начал резонерствовать:

- Когда-то при позднем Хрущеве по ресторанам ходили дружинники и следили, чтобы каждый платил сам за себя во избежание подобных историй. И в этом политический момент был: у нас государство социалистическое - мужчины и женщины равны... почему тогда эмансипированной свободной женщине нужно ждать, пока кто-то за нее заплатит в кафе или ресторане? Прихлебательство какое-то и пережиток феодальных межполовых отношений! Было помню в начале шестидесятых, в кинотеатрах билеты продавали – один билет в руки. Выкупать другие запретили.

После короткого экскурса в историю СССР, все четверо направились в кинозал МУРа. Криминалисты по показаниям девушек собирали коллаж фотороботов злоумышленников. Воспоминания студенток несколько разнились: одна утверждала, что у Эдмунда губы пухлые, другая – верхняя толстая, выдается чуть вперед над тонкой нижней. Если обе девушки сошлись на том, что у молодого человека подбор-

док был мелкий, то насчет конфигурации нижней челюсти Януша спорили. Долго не могли определиться с прическами мужчин. В итоге пришли к заключению, что у Эдмунда волосы были черные, уложенные на манер товарища Суслова. У Януша же волосы подстрижены коротко, но он не был лысым. Через час работы оба фоторобота были готовы. Теперь пришел черёд второго этапа.

Бумага, которую так проникновенно читал капитан Габов, была заключением криминалистов: отпечатки пальцев на пайетке и помаде, подаренных студенткам в ресторане, и отпечатки пальцев убитой гражданки Португалии Маргариты Медейруш. – совпадали. Значит, эти двое мошенников определенно причастны к убийству на улице Строителей, произошедшему около недели назад. А косметика, которую тогда в квартире не обнаружили, просто была похищена преступниками. У МУРовцев был набор фотографий сотрудников издательства «Прогресс», которые больше всего общались с погибшей. Сыщики уже нашли одно сходство среди пятнадцати фото. Теперь предстояло показать их студенткам: они должны были даже без составленного фоторобота указать на этого человека.

Сначала МУРовцы продемонстрировали первые пять фотокарточек: девушки никого на них не узнали. Потом еще пять, где был человек, похожий по описанию на ресторанный мошенник, представившегося переводчиком советского посольства во Франции. Студенки, как и ожидалось, мгно-

венно опознали своего знакомого:

- Это же Эдмунд! Это он! – в один голос вскрикнули они.
- Вы точно в этом уверены? – уточнил капитан Габов.
- Определенно!

Потом студенткам показали пять оставшихся фото, но на них они никого не узнали. Затем следователь перетасовал все пятнадцать карточек и вновь разложил перед потерпевшими: девушки безошибочно указывали строго на одну фотографию, где был изображен молодой человек в очках... и верхняя губа у него оказалась впрямь чуть более пухлая и выступающая, чем нижняя.

- Вот он! Это Эдмунд Скобишевский!

- Спасибо, дорогие девушки! – благодарил Габов и почтительно кивал подполковник Новиков. – Сейчас мы запротоколируем ваши показания и отпустим вас домой. Ваша помощь для нас оказалась очень полезной.

- Я и не сомневался в том, что этого типа зовут не Эдмунд. Готов поспорить на всю зарплату, что и второй – не Януш. – уже с глазу на глаз говорил Габову подполковник, читая карандашные пометки на оборотной стороне фотокарточки с подозреваемым.

Его настоящее имя было Киселев Никита Александрович 1956 года рождения, член ВЛКСМ, проживает в Москве по адресу улица Тёплый Стан дом 8. В настоящее время работал в издательстве «Прогерсс», где тесно общался с убитой Медейруш. По заявлением коллег у него даже с ней был ро-

ман. Начальник отдела и следователь запросили материалы по данному гражданину. Очень быстро на стол легла папка с досье на Киселева. Никаким полуполяком-полуфранцузом он естественно не был, в графе «национальность» указывалось – «русский». Что оказалось правдой, так это его блестящие познания в области языков. В издательстве «Прогресс», которое занималось переводами советской идеологической литературы на иностранные языки и наоборот, Киселев числился в отделе романских языков. Имея диплом филолога-романиста, подозреваемый в совершенстве владел французским. Кроме того, неплохо ориентировался в испанском, португальском и румынском. Но куда интереснее была пометка «К» на его личном деле: это означало то, что Киселев имеет контакты с КГБ.

В это время шло противостояние двух советских силовых ведомств: МВД и КГБ. Несмотря на всевластие и могущество Лубянки, у чекистов была ахиллесова пята: они являлись гражданами СССР, и паспорт им, как не крути, выписывает милиция. Поэтому МВД по приказу министра Щелокова собирало досье на сотрудников Комитета, слушателей академии госбезопасности, а также на их осведомителей, к которым относился Киселев. На личном деле таких граждан принято было ставить пометку «К». Дело оказалось еще сложнее, чем казалось на первый взгляд. Арест гражданина, связанного с КГБ, мог иметь далеко идущие последствия. Поэтому подполковник Новиков, первым делом, решил до-

ложить обо всем лично министру внутренних дел. Щелоков только и ждал, когда КГБ и его окружение совершит какую-нибудь осечку. На этот раз причастность осведомителя Лубянки к убийству и ограблению иностранной гражданки, а тем более родной сестре посла Португалии в СССР, и члену братской коммунистической партии, была отменным подарком для ушедшего министра. Теперь будет чем ужалить ненавистного ему Андропова, которого хоть и перевели с должности председателя КГБ, но все понимали – он именно всё по-прежнему является предводителем чекистов, а не нынешняя номинальная фигура – Федорчук.

Не трудно было догадаться, что обрадованный Щелоков даст приказ на арест Киселева. Это предстояло сделать, немедленно, - в это же день.

Глава 3

Новиков отодвинул занавеску и распахнул окно пошире. Солнце в зените. Холодная середина августа обернулась жарой, будто сейчас стоял месяц июль. Капитан Габов включил настольный вентилятор.

- Всё равно сегодня домой вовремя не приду. А! Была-не была! – Махнул рукой подполковник. Ему на самом деле очень хотелось домой к жене и детям. Станислав и Владислава долгое время оставались бездетными, но теперь у них была четырехлетняя дочь и годовалый сын. Савелий Габов хоть и был женат, но детей пока не было. Он тоже понимал, что и

ему сегодня придется задержаться до позднего вечера. Дело стоило того: убийца иностранки, из-за которого вся Москва была на ушах, был почти у них в руках.

- Значит так: ты, Савелий, остаешься тут, первая опергруппа едет на Парк культуры в издательство «Прогресс», со второй поеду я лично – к этому уроду домой. Где эта улица? – подполковник подошел к карте Москвы и стал искать район, в котором проживает преступник.

- Кажется, это самая окраина юго-запада Москвы. – подсказывал капитан Габов, расстегнув от жары воротник своей ярко-желтой рубашки.

-Точно! У самого МКАДа... тут еще даже метро не провели. – произнес подполковник, найдя точку на карте столицы.

Новиков ушел переодеваться в гражданское. Милиционеры приготовились к операции. Первая опергруппа не застала Киселёва на работе. Теперь дело оставалось за Новиковым. Белая оперативная «Волга» мчалась по улице Профсоюзной. В салоне было душно. У сидевшего на заднем сидении Новикова по лбу текли струйки пота, а ворот рубашки был весь мокрый. Солнце жарило металлическую обшивку автомобиля. От яркого света не спасали даже отогнутые козырьки. На повороте к улице Тёплый стан, подполковник начал глазами искать какой-нибудь ларек или магазинчик с прохладительными напитками. Но такового не было.

- Это же где-то тут есть ГДР-овский универмаг «Лейпциг»? – уточнил Станислав у коллег. Те кивнули головами:

новый район был заселен в значительном количестве университетскими работниками, деятелями культуры, семьями офицеров милиции, армии и КГБ, поэтому люди здесь жили небедные. Именно по этой причине на улице Теплый Стан и располагался восточногерманский универмаг с дефицитными для СССР товарами. Подполковник попросил тормознуть у «Лейпцига»: рядом с магазином был закуток, где продавали соки и воды. Офицер спросил пожелания коллег, затем вышел за покупками: он не спешил, действовал расслабленно, будучи абсолютно уверенным в успехе предприятия. Купив себе «Байкал», он залпом выпил половину бутылки, после чего милиционеры развернули машину, и направились на адрес Киселева.

«Волга» тормознула у торца девятиэтажного дома у посадки молодых деревьев палисадника, которые создавали хоть какую-то тень. Оперативники МУРа поднялись на шестой этаж и позвонили в дверь. Вскоре послышались шаги.

- Откройте! Это милиция: московский уголовный розыск. – уверенным тоном представился Станислав.

- Удостоверение сначала покажите в глазок. – послышался из-за двери женский голос. Подполковник показал свой документ, после чего хозяйка квартиры открыла дверь. Не спрашивая разрешения, сыщики тут же прошли внутрь, отеснив женщину.

- Подполковник МУРа Новиков. Киселев Никита Александрович тут проживает?

- А что вам от него нужно? Он только что пришел с работы! – выскочил из комнаты полноватый лысоватый мужчина в махровом халате.

- А вы кто ему будете?

- Я? Отец Никиты. О она мать! – пояснил мужчина.

- Где ваш сын?

- В комнате отдыхает.

Милиционеры прошли в комнату подозреваемого. Киселев не слышал звонка дверь, так как слушал музыку. Появление на пороге сотрудников МУРа его ошарашило. Новиков подошел и молча выключил магнитофон Киселева.

- Ну что, гражданин Скобишевский? Доставай паспорт, складывай в сумку сменное белье, спортивный костюм, щетку, зубной порошок, полотенце: всё, что пригодится в следственном изоляторе.

Родители, слышавшие разговор из соседней комнаты, ахнули.

- Я не понимаю... по какому праву? Вы, вероятно меня с кем-то путаете? Не могу знать никакого Скобишевского: моя фамилия Киселев.

- А зачем тогда в ресторане гостиницы «Интурист» представлялся поляком с французскими корнями Эдмундом Скобишевским?

- Чтооо?! – не выдержали родители, пытаясь растолкать милиционеров.

- А с вами мы еще поговорим. Пройдите, пожалуйста в

комнату. – строгим тоном осадил супружескую чету подполковник Новиков.

- Интересно, у вас в милиции что-то новое: за поход в ресторан в тюрьму уже сажают? – пытаюсь одновременно подавить волнение и дерзить, проговорил Киселев.

- Вы, гражданин, подозреваетесь в убийстве гражданки Португалии Маргариты Медейруш да Силва, и в ограблении ее квартиры. Поэтому попрошу собираться быстрее: разговор у нас будет долгий.

Киселев на этот раз не сразу нашел, что ответить. Выдержав паузу, и, поправив очки, он заявил:

- Вы, наверное, не в курсе с какими органами я имею дело?

- Пока что вы имеете дело с милицией. – ответил Новиков.

- У вас будут большие проблемы, товарищ сыщик. С этими органами лучше не шутить. – продолжал Киселев.

- В темпе вальса собрался! – крикнул на него Новиков.

Пока в квартире задержанного работала группа криминалистов и производился обыск, белая «Волга» мчалась с юго-западной окраины Москвы на улицу Петровку 38. Уже в кабинете следователя Киселев пытался отбrehиваться и запугивать сыщиков некими таинственными «органами». Милиционеры понимали к чему тот клонит.

- Кэгэбэ – ебэ? Ты это хотел сказать? – нажимал на подозреваемого подполковник.

- Наконец-то! Однако, у вас м милиции туго соображают.

- Чё? Ты придурок или как? В серьез полагаешь, что если

ты КГБэшный стукачок, то тебе все с рук будет сходить? – возмутился Новиков.

- А за убийство иностранной гражданки тебе орден Славы на грудь нацепят? – вторил начальнику следователь Габов, крутясь в своем кресле.

- Раз тебя они прикормили, тогда они будут с тобой вытворять, что и подумать страшно. Зачем Лубянке уголовник, да еще погоревший на таком деле? Политическое как-никак! Ух тебе достанется от твоих гэбистов! – пугал Киселева Новиков.

- Станислав Саныч, а что, если он ее кокнул по приказу КГБ? – усмехался Габов.

- Тогда... ну, тогда пусть сами в этом разбираются. Но я сомневаюсь в этой версии: зачем нашим разведчикам убивать и грабить? Тем более члена коммунистической партии... Неужто решили поощрить за счет похищенного стукача? Не думаю! А что теперь? Пока он проходит по делу, которым занимается МВД. А там видно будет: когда его заберут в «Лефортово» - ему мало не покажется: нас добрым словом поминать будет. – ответил Новиков капитану.

- Ну так что, Киселев-Скобишевский? Расскажешь нам как все было, или звоним твоим экзекуторам на Лубянку? – обратился к арестованному Габов, подняв трубку городского телефона.

Киселев, хоть и без желания, но начал говорить. Капитан Габов делал пометки карандашом на бумаге. Подполковник

Новиков, допивая свой «Байкал», ходил по кабинету кругами и прислушивался к допросу.

Арестованный сообщил, что действительно одиннадцатого августа приходил в квартиру убитой Маргариты Медейруш, с которой имел любовные отношения. Убийство и последующее ограбление спланировали заранее вместе с подельником – ранее судимым гражданином Пустовитом Виталием Николаевичем 1941 года рождения. Разумеется, никаким офицером пограничных войск тот самый «Януш Фролов» не был: его образование закончилось восьмью классами школы, а дальше два тюремных срока за ограбления. Впрочем, и сам Киселев никогда не работал в советском посольстве во Франции, но бывал в этой стране по обмену. Преступление, со слов арестованного, произошло поздно вечером. Пользуясь доверчивостью женщины, Киселев тихонько открыл замок входной двери, через которую проник Пустовит. Он же нанес Медейруш смертельный удар по голове бронзовым светильником. Далее они принялись грабить квартиру: помимо украшений и денег, они похитили альбом с коллекционными марками, импортную косметику Маргариты, туристический уют французской фирмы, двухкассетный японский магнитофон, кассеты к нему. Пытались вынести печатную машинку, но та оказалась слишком тяжелой, а автомобиля у злоумышленников не было. В районе десяти-одиннадцати часов преступники, нагруженные награбленным, оставив музыку и телевизор включенными, покину-

ли квартиру убитой. Телевизор также специально оставался включенным для того, чтобы соседи не слышали, как Киселев и Пустовит переворачивают с ног на голову жилище убитой.

- А что было самым дорогим из похищенных вами драгоценностей? – неожиданно включился в допрос Новиков.

- Даже не знаю. – ответил Киселев.

- Может быть, кольцо иностранное, или шкатулку какую-нибудь взяли?

Арестованный сначала замолчал, потом исподлобья взглянул на подполковника.

- Ну, давай! Говори! Что замолчал? – понукал Киселева капитан Габов.

- Ну у вас, ментов, контора работает! – с досадой ответил преступник. – Да: кольцо, которое Маргарита прятала в вентиляции кухни.

- Откуда вы знали про него? – тут же подхватил следователь.

- Она сама рассказывала не раз. Хоть и коммунистка, но аристократического происхождения. Это кольцо было изготовлено из золота вестготских королей легендарным королем Португалии Себастьяном Первым, который бесследно исчез во время своего африканского крестового похода. И поныне личность этого монарха в Португалии овеяна легендами. Так вот это кольцо, изготовленное по приказу того самого короля, было подарено предкам семьи Медейруш. До

того, как мы с Пустовитом до него добрались, это была семейная реликвия.

- И место расположения тайника вам указала?

- Не нам, а мне: мы ведь были любовниками. – ответил Киселев.

- Отличная любовь получается. – резонерствовал Новиков. – Друг сердца решил проломить возлюбленной голову из-за колье, а до всего этого стучал на нее в КГБ.

- Почему сразу «стучал»? В «Прогрессе» - это принцип работы: нужно негласно наблюдать за тамошними иностранцами. – возмутился формулировкой Киселев.

- Гражданским языком это называется «стучать». – настаивал на своем подполковник Новиков.

- И что же дальше? Где теперь украденное из квартиры? – продолжал допрос капитан Габов.

- Мы с Виталием добытое разделили. Утюг и кассеты я забрал себе. Магнитофон отдал Пустовиту. А часть косметики подарили ради забавы девчонкам из пединститута.

- А колье?

- С ним все сложнее: это не какая-нибудь безделушка. Пустовит сказал, что у него есть хорошие связи по части драгоценностей – за такую штуку можно получить несколько десятков тысяч, если не сотен.

- Долларов?

- Советскими.

- Тоже неплохо! – заметил Новиков. – С кем именно хотел

встретиться Пустовит? Ты знаешь имена, клички, адреса?

- Не знаю.

- Вот скажи, честно, Киселёв? Как ты, весь из себя интеллигент, французский знаешь, в Париже был, кандидатскую по романской филологии защитил, и вдруг твой знакомый... дважды судимый уголовник... где ты его нашел?

- На катране как-то познакомились.

- В картишки любишь играть?

- Почему бы и нет.

- А кличка его как?

- Он никогда не говорил: не любил, когда к нему по кличке обращаются.

- На что вы, гражданин Киселев, рассчитывали, когда убивали Маргариту Медейруш? Дело ведь дрянь: согласитесь. Если вы считаете себя умным человеком, тогда должны были смекнуть, что убийство иностранки, да еще сестры посла вам с рук не сойдет, что МВД, что КГБ из-под земли найдет убийц. Так оно и вышло. – интересовался капитан Габов.

- Мало ли кто мог ее убить? Она ведь с кем только не спала из нашего издательства: шлюха еще та. И гостей постоянно водила к себе: ее квартира – проходной двор.

- Шлюха? Это ты так о своей подруге? Интересно! – покачал головой следователь.

- Сколько у вас лет разница в возрасте? – прикидывал в уме Новиков.

- Девятнадцать.

- В мамки тебе годится твоя подруга. Ишь ты, сверчок! – прокомментировал подполковник.

Пока по душу Киселева вызывали транспорт до «Матросской тишины», Новиков давал распоряжения коллегам:

- Савелий! Сообщи по всем каналам информации: объявить во всесоюзный розыск гражданина Пустовита Виталия Николаевича 1941-го года рождения, ранее судимого. Фото-робот и особые приметы прилагаются. А нашим дактилоскопистам скажи, чтобы дали образцы отпечатков пальцев Пустовита. Я же отзвонюсь Щелокову о проведенной операции.

Глава 4

Виталия Пустовита неподалеку от ипподрома поджидала оранжево-красная «Копейка». Он прекрасно знал кому она принадлежит. Водитель, в свою очередь, тоже был знаком с Пустовитом, поэтому, когда увидел того, то несколько раз моргнул фарами. Виталий, озираясь по сторонам, направился к автомобилю.

- Здорово Хохол. – приветствовал Пустовит своего знакомого: мужчину лет сорока с небольшим, среднего роста, немного коренастого, физически довольно сильного. Хохол внешне нисколько не напоминал человека, принадлежащего уголовному миру: дорогой болгарский кожаный пиджак, рубашка-батник, импортные джинсы, белоснежные кроссовки, неплохой парфюм, электронные часы последней модели на запястье. Почти квадратная лысеющая голова с остатками

черных волос, хитрые глаза-щелочки, нос картошкой, поджатые тонкие губы.

- Хвост не привел? – выдержав паузу, обратился к Пустовиту Хохол.

- Обижаешь.

- Смотри: тут ведь Белорусский вокзал рядом – там менты всегда трутся.

- Как будто я не знаю. Вот дурашку-Никитку они уже взяли.

- Это тот самый твой человечек? Ты хочешь сказать, Виталик, что мусора уже идут по следу? – перепугался Хохол.

- Мне изначально не понравилась эта затея: я говорил ему – лезть на португалку, да еще сестру посла – бесперспективная тема.

- Ох, и...! – схватился за голову Хохол. – Зачем ты тогда сюда пришел?! Лучше проваливай: ни я, ни Мешок на это не пойдем. Мало того, что менты, тут еще и чекисты, отруби мне голову, подключились.

- А что я мог поделать?! Но у нее было старинное кольцо, которое таких денег стоит, что даже твоему Мешку не снились. Никита говорил, что оно шестнадцатого века, королевское... а сделано из золота еще более старого...

- Оно сейчас у тебя?

- С собой.

- Покеж.

Пустовит расстегнул молнию спортивной сумки, достал

оттуда термос, и вытряс из него похищенное португальское колье. У Хохла глаза едва на лоб не вылезли, но в руки его он брать побоялся.

- Это ты с такой душой по Москве разгуливаешь?!

- А что мне остается делать? И так на дно залег.

- Вот и не высовывайся теперь...

- Берешь? Насчет гонорара сочтемся: я лично с Мешком хочу перетереть эту тему.

Хохол все еще опасался брать в руки колье, но продолжал на него жадно смотреть.

- Сколько это примерно стоит?

- Если советскими, то до ста кусков могут оценить.

Хохол многозначительно свистнул, и спросил:

- Точно не подделка?

- Ты думаешь на такое пошел бы ради дешевой блестяшки?

- И все равно вы наломали дров, *бис вы вас побрав!* – перешел на украинский язык Хохол, в эмоциях стукнув ладонями рулевое колесо. Это же надо быть такими отморозками, чтобы родственницу посла кокнуть! Лучше бы вообще не владеть эти колье, чем то, что за него нам всем светит. Дебилы!

- Никита был настроен решительно. Он и порешил свою бабу. Мы договорились, что он тихо приоткроет дверь в квартиру, я зайду внутрь. Всё так и вышло, только эта фифа вышла в коридор, а я там в темноте уже стою. Хотела закри-

чать, но не успела: Никита ее по репе бронзовым светильником трахнул.

- С первого раза и наглухо?

- Прикидываешь? А ведь щуплый фрайер на вид.

- Интеллигентиска вшивый! – злился Хохол. – В какое дерьмо нас впутал, урод!

- Тут я согласен с тобой.

- И все же не пойму тебя, Виталик: как ты мог закорешиться с этим типом? Он думает раз у него папаша – профессор в институте и барыга, то откупит его? Как бы не так: если что, то мусора и папашу к ногтю придавят.

- Есть такой расклад. – кивнул Пустовит. – Но, мокруха теперь все равно на нем висит. А наши ручки чисты, разве только колье держали. -улыбался уголовник, сверкая своими золотыми зубами.

- То, что вы оба – уроды, не отменяется. – вздохнул Хохол. Его папаша-барыга сына только отмывать будет, но никак не нас.

- Да забудь про них, Хохол! С Никитой и его батей все кончено: никого не отмоют – сядут оба. Кто с ними будет возиться, если они учинили мокрое дело? Фифу заморскую порешить – это тебе не мелочи по карманам тырить. Тут и вышкой может все закончиться.

- Как бы оно и для тебя также не закончилось, Виталик. Могу предположить, что твой кореш в ментовке повесил мокруху на тебя. И ему поверят: он – фрайер, а ты два раза

на зоне был. Ты сам по себе находка для ментов: на рожу свою в зеркало глянь. Такое ощущение, что на ней костер лопатой тушили.

- Когда на «химии» чалился – кислота на рожу попала, если быть точным. – ответил Пустовит, продолжая ухмыляться и глядеть на лощенного Хохла своими желтоватыми глазами.

Потом уголовник сделался серьезным, и еще раз спросил знакомого:

- Ну что? Берешь игрушку?

- Беру... - отрывисто ответил Хохол, отвернувшись от собеседника.

- Как делить деньги будем?

- Пусть Мешок вместе с Лёнчиком решат. Понятное дело, не меньше половины они себе заберут, а нам окуски какие-то достанутся. Но да ладно: даже этого будет прилично – каждому из нас на новую «Волжанку» хватит. Только не нужно медлить: менты идут по следу – колье нужно передать тому, у кого они его точно не разнюхают.

Пустовит передал термос с колье Хохлу. Тот спросил:

- Скажи хоть где тебя искать? И лучше у Белорусского вокзала не светись: я тебя довезу куда-нибудь в место более спокойное.

Глава 5

Немного ранее, в этот же день, что произошла встреча Пустовита и Хохла, секретарь Центрального комитета партии по идеологии Юрий Владимирович Андропов садился в

салон правительственного бронированного «ЗИЛа». Его ноги чуть дрожали от слабости, немощь одолевала тело, беспокоило головокружение. Давнишняя болезнь почек и сердце, перенесшее инфаркт, вновь давали о себе знать. Андропов старался держаться стойче: не пользовался тростью. Его походка все еще сохраняла твердость, ровно, как и острый пронизательный железный ум. Юрий Владимирович в тот день собирался отбыть в кремлевскую больницу. «ЗИЛ» летел по улицам Москвы. Сопровождавшие телохранители из представителей 9-го управления КГБ, занимавшихся охраной первых лиц государства, на черных «Волгах» следовали рядом. Андропов, поддавшись чувству слабости, откинулся на мягкую спинку сиденья, закрыл глаза и начал дремать. Но вдруг в салоне лимузина раздался треск телефона. Юрий Владимирович открыл глаза, взял трубку. Быстрый голос что-то докладывал, Андропов молча слушал. Закончив разговор, секретарь ЦК дал распоряжение водителю изменить маршрут: теперь «ЗИЛ» мчался за МКАД – в Ясенево, где находился штаб Комитета государственной безопасности.

Шумная Москва осталась позади. Скрылись за придорожными посадками панельки новостроек окраин столицы. Штаб КГБ, построенный за МКАДом, располагался посреди лесов и лугов ближнего Подмосковья. Внушительной высоты здание, построенное по спецпроекту, было окружено дачным поселком сотрудников госбезопасности, длинным забо-

ром с колючей проволокой и проводами под электрическим напряжением. Как не старались архитекторы, махина небоскреба была видна со стороны неподалеку расположенного московского района Ясенево. Тут же за МКАДом, практически у самого забора, ограждавшего штаб Комитета, находился пруд с пляжами и зоной отдыха. Пронырливые москвичи, все лето купавшиеся в пруду и загорававшие на этих пляжах зоны отдыха «Битца» знали, кому принадлежит небоскреб. Не вводили их в заблуждение и многочисленные остерегающие таблички на воротах комплекса и заборе: «Центр научных институтских исследований. Биологическая и радиационная опасность. Вход категорически запрещен». Даже таксисты иногда переспрашивали сотрудников Комитета, которые пытались объяснить конечную точку прибытия: «штаб КГБ что ли?»

Тем не менее, новое здание получилось на славу: оно было не столь известно как знаменитая штаб-квартира на площади Дзержинского, но зато тихое место, много пространства, нет надоедливых сквозняков, присущих старым зданиям. А, самое главное, - это природа: дубравы, сосняки, сочные луга с разнотравьем, темные ельники и лучезарные березняки. Даже дышалось тут совсем иначе, чем в загазованной и пыльной Москве. О столице напоминали лишь цветные коробки ясневских панельных домов, которые видны на горизонте с высоты небоскреба. Не зря чекисты прозвали это место место «деревней».

Облюбовал «деревню» и Андропов. В мае этого года его сместили с поста председателя КГБ и перевели на секретарскую работу на Старую площадь. Вместо него Комитетом стал заправлять Виталий Федорчук – начальник украинского отделения госбезопасности. Он был человеком, приближенным к первому секретарю Украинской ССР Владимиру Щербицкому. Андропов не любил обоих. Хитрый интриган Брежнев нарочно протолкнул в Политбюро украинского лидера, спутав, таким образом, карты соперникам, состоявшимся за кресло еще живого, но неумолимо угасающего генсека. Это была пика в сторону Андропова и Щелокова: их противостояние могло закончиться в итоге ничем: к посту советского государства все больше подбирался новичок Щербицкий – протеже Брежнева. У него все больше оказывалось козырей, тогда как у Андропова и Щелокова все меньше. Подтверждением намерений Леонида Ильича было и назначение киевлянина Федорчука на пост председателя КГБ. Юрий Владимирович всегда недолюбливал его, а теперь и вовсе возненавидел сменщика. Федорчука он считал сатрапом, грубым, властным и бестолковым. А, самое главное, человеком, ничего не понимающим в области государственной безопасности. К счастью для Андропова сами чекисты не восприняли нового начальника всерьез, по-прежнему тайно совещаясь с его предшественником.

Если Федорчук все время проводил на Лубянке, то ясеневский штаб стал центром оппозиции внутри КГБ, а также

тайной резиденцией Андропова, где тот плел свои интриги. За МКАДом ему некого было опасаться: тут его окружали самые верные сторонники. Расположившись как хозяин в одном из просторных кабинетов нового комплекса госбезопасности, он кому-то принялся звонить. Делал это с такой энергией и задором, что казалось, будто забыл о своих болезнях и то, что сегодня уже должен был находиться на больничной койке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.